

P.V. Maksimov

REGULATION OF SIGNS OF BANDITRY'S CORPUS DELICTI IN CRIMINAL CODES OF RSFSR IN 1922, 1926 (LEGISLATIVE AND DOCTRINAL ASPECTS)

Pavel Maksimov – Deputy Head of the Department of Criminal law and Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Police Colonel, PhD in Law, Krasnodar; **e-mail:** paul.max.81@rambler.ru.

The relevance of the research topic derive, on the one hand, from numerous changes to the current Criminal Code of the Russian Federation, whereby indicating its instability, and, on the other hand, it deals with high level of violent crime in Russia, including banditry. In its first part the article examines specific features of legal regulation of the signs of banditry as a state crime as described in the first criminal codes adopted in the Soviet state in 1922 and 1926. Furthermore the author analyzes norms of these criminal laws as well as the relevant viewpoints of criminologists from different periods of the history of criminal law in Russia. In the research process, methods of comparative generalization, logic, historicism, and hypothesis construction were used. The article concludes that the Soviet legislator fixed the fundamental signs of the composition of banditry (cohesion of the criminal group, armament, goal-setting in the form of an attack on organizations and individuals), which have fundamentally remained relevant thus far. The paper makes generalizations that have not previously been encountered in studies on the historical and legal development of the institution of criminal liability for banditry in Russia.

Keywords: banditry; criminal code; Soviet state; corpus delicti; signs; actus reus; crime; complicity; attack; gang.

П.В. Максимов

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА БАНДИТИЗМА В УК РСФСР 1922 И 1926 ГОДОВ (ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ И ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)

Павел Викторович Максимов – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии, Краснодарский университет МВД России, полковник полиции, кандидат юридических наук, г. Краснодар; **e-mail:** paul.max.81@rambler.ru.

Актуальность темы исследования обуславливается, с одной стороны, многочисленными изменениями в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, что свидетельствует о его нестабильности, и, с другой стороны, высоким уровнем насильственной преступности в России, в том числе – бандитизма. В первой части статьи рассматриваются особенности уголовно-правового регулирования признаков бандитизма как государственного преступления в первых уголовных кодексах, принятых в советском государстве в 1922 и 1926 гг. Затем автор анализирует нормы указанных уголовных законов и отношение к ним криминалистов разных периодов истории уголовного права России. В процессе исследования использовались методы сопоставительного обобщения, логики, историзма, построения гипотез. Делается вывод о том, что советский законодатель закрепил фундаментальные признаки состава бандитизма (сплоченность преступной группы, вооруженность, целеполагание в виде нападения на организации и отдельных лиц), которые в своей основе сохраняют актуальность до настоящего

времени. В работе сделаны обобщения, ранее не встречавшиеся в исследованиях по тематике, связанной с историко-правовым развитием в России института уголовной ответственности за бандитизм.

Ключевые слова: бандитизм; уголовный кодекс; советское государство; состав преступления; признаки; объективная сторона; преступление; соучастие; нападение; банда.

УК РСФСР 1922 г. [1] являлся первым полномасштабным системным уголовным законом советского государства [6, с. 31]. Данный кодекс (1922 г.) был принят ВЦИК и утвержден на третьей сессии IX Съезда Советов 26 мая 1922 г. Он стал большим событием в правовой истории советской России, аккумулировав уже действительно советское видение содержания и методов уголовно-правовых отношений, о чем свидетельствуют и соответствующие нормы, определявшие стратегию этого акта. Так, в самом постановлении об введении нового уголовного закона указывалось, что этот закон принимается для того, чтобы «оградить» новое советское государство рабочих и крестьян от «правонарушений и общественно-опасных элементов», а также с целью формирования на твердых началах «революционного правосознания». В соответствующем постановлении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета указывается, что первый уголовный кодекс советского государства вводится в действие «на всей территории РСФСР», при этом дата вступления этого закона была обозначена 1 июня 1922 г. [1].

Следует заметить, что советский законодатель формулирует не только цель, но и задачу данного уголовного закона. Эта задача определена в ст. 5 УК РСФСР 1922 г. и по своей сути она во многом повторяет отмеченную выше цель, в частности, указывается, что задачей является «правовая защита государства трудящихся» от тех же «преступлений и от общественно-опасных элементов». Делается также дополнение о том, что эта задача реализуется такими уголовно-правовыми средствами, как «наказание» и «иные меры социальной защиты», которые должны применяться к преступникам, характеризующимся законодателем как «нарушители революционного правопорядка» [1]. И в

этой связи нужно заметить, что в целом уголовный кодекс достаточно политизирован – в духе большевиков и в духе того времени, в каком он принимался. Вместе с тем с точки зрения юридической техники УК РСФСР оказался в целом на высоком уровне – бесспорно, благодаря правовой школе царской России, чьими поданными еще недавно были авторы советского УК, получая позитивные оценки многих известных криминалистов, включая современную Россию. Так, А.В. Наумов отмечает конструирование в Уголовном кодексе 1922 г. относительно определенных санкций, что, по его мнению, во многом себя оправдало [11, с. 13–17].

Интересующий нас состав бандитизма имеет в рассматриваемом уголовном кодексе отнюдь не простое регулирование, как это нередко представляется в историко-правовой литературе. Дело в том, что, когда речь идет об этом виде преступления, то обычно приводят ст. 76 УК РСФСР 1922 г., где указывается следующая объективная сторона состава данного преступления: «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападений и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения жел.-дор. путей» [1]. При этом делается ряд дополнений, которые, собственно, и усложняют состав бандитизма. Эти дополнения следующие: во-первых, для квалификации деяния как бандитизма не имеет значения, имели ли место во время нападений убийства и грабежи – важно, чтоб умысел был направлен на возможное, если сложится соответствующая ситуация, их совершение; во-вторых, деяние квалифицировалось как бандитизм и в том случае, если речь шла: а) о пособничестве бандам в их преступной деятельности; б) об укрывательстве банд и отдельных ее членов; в) о

сокрытии как добытого в результате бандитских нападений имущества, так и следов совершенных бандами нападений.

Вот таким образом был сформирован основной (без учета отмеченных выше дополнений), можно сказать, «классический» состав бандитизма, объективная сторона которого, хотя и несколько в иных формулировках, дошла до наших дней в действующем Уголовном кодексе РФ. В самом деле, мы видим здесь следующие признаки состава бандитизма: а) сплоченность преступной группы (находит отражение в использовании термина «шайка»; б) вооруженность (опять же выражение – «вооруженная шайка»); в) нападения, налеты, однозначно предполагавшие применение насилия по отношению к потерпевшим; позже эти два термина («нападения, налеты») будут охватываться одним термином – «нападение», то есть термин «налет» выйдет из употребления. Особняком стоит такой признак бандитизма, как остановка поездов и разрушение железнодорожных путей. Нам не удалось выявить причины, побудившие законодателя включить этот признак для уголовно-правовой характеристики бандитизма, во всяком случае, эти действия выпадают из уже сложившихся к 1922 г. представлений как о составе бандитизма, так и о составе преступлений, совершаемых шайками (бандами). Возможно, законодатель хотел придать этим преступным действиям высокий уровень уголовной ответственности, вероятно, с учетом большого ущерба, которое могли причинить эти действия, хотя это вполне можно было сделать путем конструирования самостоятельного для этого конкретного случая состава преступления.

Согласно ст. 76 УК РСФСР, как мы отметили, пособничество бандам, равно и укрывательство бандитов, а также действия по сокрытию добытого преступным путем имущества и следов преступных бандитских действий, являлись уголовно наказуемыми. Однако эти действия не относятся собственно к составу рассматриваемого преступления в виде бандитизма, и их включение в ст. 76 можно было бы, наверное, считать излишним, учитывая

наличие ст. 15 УК РСФСР – согласно этой уголовно-правовой норме наказанию за общественно опасное деяние подлежали не только исполнители, но также и соучастники, а именно подстрекатели и пособники. При этом мера наказания должна была определяться как «степенью участия» указанных лиц в совершении преступления, так и «степенью опасности преступника», то есть, тех подстрекателя и пособника. Наличие в ст. 76 вместе с самим составом бандитизма указанных пособнических действий можно объяснить, на наш взгляд, тем, что законодатель определял минимум наказания для пособников бандитов, ниже которого назначать было нельзя (иначе суды могли бы по своему усмотрению назначить и более мягкое наказание).

Данный состав бандитизма (ст. 76) расположен в Главе 1 «Государственные преступления» во второй ее подглаве – «О преступлениях против порядка управления». Таким образом, видовым объектом бандитизма являются охраняемые уголовным законом общественные отношения, а именно, как следует из ст. 74 УК РСФСР 1922 г., «правильное функционирование» органов государственного управления или народного хозяйства, а также «авторитет власти» [1]. На наш взгляд, здесь законодатель не учел того обстоятельства, что бандиты посягают также на жизнь, здоровье, имущество отдельных граждан, что не имеет отношения к нормальному функционированию государственного аппарата, и в этом смысле объект бандитизма имеет недостаточно четкое закрепление.

Особенность бандитизма в УК РСФСР 1922 г. заключается также в том, что, помимо «классического» состава бандитизма, который мы раскрыли, в нем содержится также фактически еще один состав бандитизма, но не в качестве самостоятельного состава преступления, а как часть более общего состава преступления. Речь идет о составе преступления, предусмотренного ст. 58 УК РСФСР 1922 г.: «Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооружен-

ных отрядов *или банд*» [1] (здесь говорится о «всякой попытке» захватить власть, отторгнуть часть территории республики или расторгнуть заключенные республикой договоры, однако эти действия не попадают под состав собственно бандитизма).

Есть все основания полагать, что «банда» в ст. 58 УК РСФСР понимается так же, как и «банда» в ст. 76 этого кодекса, ибо иное противоречило бы канонам логики. Вместе с тем в данном случае состав деяния по ст. 58 включен в первую подглаву первой главы, а именно – «О контрреволюционных преступлениях», то есть данное деяние является наиболее тяжким, что следует из двух факторов: а) из того факта, что именно деянием, предусмотренным ст. 58 УК РСФСР 1922 г., открывается перечень контрреволюционных преступлений; б) из законодательного толкования контрреволюционного преступления, закрепленного в ст. 57 УК РСФСР 1922 г., где, в частности, указывается, что таковым (контрреволюционным) деянием является «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти», далее делается дополнение о том, что подобным образом квалифицируется также «действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего деяние, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции» [1].

Применительно к бандитизму состав деяния по ст. 58 можно сформулировать следующим образом: «Организация в контрреволюционных целях вторжения на советскую территорию *банд*». Как видно, мы не присовокупляем сюда указанные в ст. 58 «вооруженные отряды», поскольку последние не являются синонимами «банд» и представляют собой военизированные подразделения, не преследующих целей, указанных в ст. 76 УК РСФСР. Соответственно сугубо *условно* можно говорить о том, что законодатель в рамках государственных преступлений предусматривает уголовную ответственность от-

дельно за *уголовный бандитизм* (ст. 76) и отдельно за *политический бандитизм* (ст. 58). Примером последнего, достаточно четко вписывающегося в ст. 58 УК РСФСР, и, очевидно, из этого же примера получившего материальную основу для конструирования данной уголовно-правовой статьи, являлось «Тамбовское восстание банды Антонова» – именно под таким названием в конце 1920 г. ВЧК рассматривало вопрос о разработке агентурной борьбы для «взрыва банд изнутри» [10, с. 23–26].

В литературе нашими современниками К.А. Красновой и М.А. Волковой справедливо отмечается, что советский законодатель в первом советском уголовном кодексе значительно расширил состав бандитизма, если сравнивать его с определением, содержащемся в Декрете ВЦИК (1919 г.) и, что особенно важно, на законодательном уровне бандитизм стал считаться оконченным преступлением не только как непосредственное участие в бандитских нападениях, но и как сама организация, создание банд, то есть, состав бандитизма впервые определен как «усеченный», при этом были выделены следующие относительно самостоятельные формы бандитизма: «организация банды, участие в банде, участие в организуемых бандой нападениях. Данные формы участия в преступной деятельности банды вполне соотносятся с их современным пониманием» [9, с. 10].

В этом контексте представляют интерес комментарии норм УК РСФСР 1922 г. учеными того времени. Так, по мнению С.В. Познышева, бандитизм отличался совокупностью политических и уголовных мотивов, а также крайне жесткими формами насилия, что предопределяло расположение состава этого преступления в структуре Особенной части уголовного кодекса [16, с. 12]. Он же, раскрывая понимание шайки в целях УК РСФСР, отмечал то обстоятельство, что шайка есть не что иное, как «соглашение между собой нескольких лиц», направленное совершение общественно опасных действий на постоянной основе, а признаками банды как организованной преступной группы

являются «более или менее длительное общение и единение участников ради совершения нескольких, быть может, неопределенного множества преступлений» [17, с. 24]. По этому же поводу Н.Н. Паше-Озерский отмечал, что основное отличие шайки от других преступных групп состоит «в постоянном характере сообщества», а также вытекающей из этого особенности преступной деятельности членов шайки – эту деятельность есть основания полгать как «ремесло» [14, с. 91]. Э.Я. Немировский считал, что банду характеризует «организованность этого объединения, выражающаяся в распределении ролей и наличии руководителя (атамана)» [12, с. 271]. По мнению А. Галкина, сама организация разбойной банды является преступлением, при этом данное преступление имеет следующие основные признаки: «наличие руководителя, штаба, устройство связи с известными слоями населения, осведомления, снабжения, хранения награбленного» [4, с. 47]; этот же автор определял сговор между членами банды как «главный признак» этого преступного деяния. Подобную точку зрения имел и А.Н. Трайнин, указывая, что шайка – это прежде всего «крепкий союз лиц, стремящихся к единой цели и придерживающихся единства действий. Шайка, таким образом, есть длительное сплоченное участие, как бы готовый людской аппарат для совершения общественно опасных деяний» [20, с. 374]. Тем самым, фактически, эти ученые довольно подробно раскрыли сплоченность как фундаментальный признак бандитизма, актуальный до настоящего времени.

В.Н. Ошеров, касаясь соотношения терминов «шайка» и «банда», отмечал, что «оба термина (шайка и банда) появились в уголовном законодательстве практически начиная с первых декретов советской власти. Доктринально эти понятия пытались различать по двум признакам – по признаку наличия у членов банды оружия и устойчивости банды в отличие от шайки, где устойчивость не рассматривалась в качестве обязательного признака» [13, с. 68]. Следует заметить, что эта позиция с того времени является дискуссии-

онной. Так, А. Зейлигер полагал, что «не может быть наличия банды по ст. 76, если нет участия одних и тех же лиц в нескольких однородных преступлениях» [7, с. 78]. Такая позиция нашла критическую оценку Р.Н. Таймасова спустя несколько десятилетий, который, в частности, указывает на то, что нельзя определять устойчивость преступной группы всего лишь по какому-либо одному критерию, и если применить этот тезис к банде, то устойчивость преступной организации этого вида заключается прежде всего в «организационном единстве ее участников», о чем могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как «корпоративная дисциплина, система подчинений», которые, в свою очередь, складываются «на основе общих преступных целей, в результате предварительного сговора», а также к признакам банды следует относить «неоднократность совершенных или подготовляемых преступлений» [19, с. 98]. Критику следует признать логичной, но вряд ли она актуальна, учитывая аргументы указанных выше авторов, приведенные еще в 1920-е гг.

Приведем еще точку зрения гранда советской науки уголовного права А.Н. Трайнина, который отмечал, что «бандитизм, по своей природе ближе всего связанный с имущественным преступлением, разбоем, оказался, тем не менее, включенным в раздел деликтов порядка управления <...> в силу присущего бандитизму, в особенности, пограничному бандитизму, характера посягательства на правильное функционирование власти» [21, с. 54]. Тем не менее, на наш взгляд, такое объяснение не дает достаточно ясного ответа на поставленный нами выше и остающийся открытым вопрос о том, почему в составе бандитизма как государственного преступления объектом преступного посягательства являются жизнь, здоровье и имуществе отдельных граждан.

В УК РСФСР 1926 г. [2] в начальной его редакции диспозиция бандитизма оставалась такой же, как и в УК РСФСР 1922 г. (и в целом этот кодекс по сути является новой редакцией предыдущего кодекса [22, с. 15]). Однако довольно скоро,

менее чем через три месяца, в феврале 1927 г. было принято Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) [3], где была обновлена редакция всех государственных преступлений, соответствующие формулировки которых без изменений были включены в уголовные законы союзных республик. В УК РСФСР 1926 г. это нашло отражение в ст. 59.3: «Бандитизм, то есть организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов и разрушение железнодорожных путей и иных средств сообщений и связи» [2].

Большинство авторов сходятся в том, что состав бандитизма в УК РСФСР 1926 г. был сформулирован более четко. Однако понятие банды по-прежнему не было раскрыто. Также сохранялось и деяние в виде «организации вторжения на советскую территорию вооруженных банд» (ст. 58.2 УК РСФСР). Тем не менее следует отметить ряд новелл. В частности, термин «шайка» уже не используется, было исключено также указание на «разбойные нападения, ограбления и налеты», поскольку у бандитов могут быть не только корыстные цели, но и иные, в частности, убийства, хулиганство и др. [18, с. 77]. Комментируя эту статью, А.А. Пионтковский, советский криминолог того времени, считал, что бандой является «всякое соучастие», совершаемое по заранее заключенному соглашению, причем, вне зависимости от того, где и когда будут совершаться нападения с применением оружия, что (вооруженность) также является обязательным признаком бандитизма. Этот же автор раскрывал понятие вооруженности в том смысле, что «участники банды обладают <...> орудиями, предназначенными специально для употребления в качестве средства лишения жизни или причинения тяжких повреждений» [15, с. 282]. Такое суждение, особенно в части «всякого соучастия» (то есть, в нашем контексте, теоретически, сиюминутного) вызвало обоснованную, на наш взгляд,

критику. Так, Р.Н. Таймасов указывает, что «принятие такой трактовки банды на практике означало бы отождествление банды с менее опасными случаями преступной деятельности» [19, с. 93–94], а В.С. Комиссаров указал на то, что «тем самым не только необоснованно расширялись пределы уголовно-наказуемого бандитизма, но и существенно затруднялось бы установление истинной опасности бандитизма в целом» [8, с. 32]. В дальнейшем трактовка А.А. Пионтковского не получила ни доктринальной, ни законодательной поддержки. Это касается и предложения считать в качестве критерия устойчивости количество замышляемых и совершенных бандитских нападений [5, с. 128].

Таким образом, состав бандитизма в первом полномасштабном системном советском уголовном законе (УК РСФСР 1922 г.) получил противоречивое положение: будучи расположенным в главе о государственных преступлениях (под главе о преступлениях против порядка управления), он одновременно содержал в себе уголовно наказуемые действия, посягающие также на жизнь, здоровье и имущество отдельных лиц, то есть, имело место сочетание публично-правовых и частно-правовых начал. Тем не менее уголовный закон закрепил фундаментальные признаки состава бандитизма: сплоченность преступной группы, вооруженность, целенаправленность в виде нападения (которому имманентно присуще насилие) на организации и отдельных лиц. Эти признаки в своей основе перешли позже в последующий УК РСФСР 1926 г., где состав бандитизма получил более четкие формулировки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
2. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст.

600.

3. Постановление ЦИК СССР от 25.02.1927 г. «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» // СЗ СССР. 1927. № 12. Ст. 123.

4. *Галкин А.* О разбое и бандитизме // Рабочий суд. 1927. № 8. С. 47–51.

5. *Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошеревич А.Л., Пионтковский А.А.* Государственные преступления. М.: Изд. Народного комисс. юстиции, 1938. 161 с.

6. *Грошев А.В., Упоров И.В.* Уголовное право России. Общая часть. Краткий учебный курс. Ростов-на-Дону, 2006. 576 с.

7. *Зейлигер А.* Из практики по делам о налетах // Рабочий суд. 1924. № 13-14. С. 76–80.

8. *Комиссаров В.С.* Уголовная ответственность за бандитизм: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 194 с.

9. *Краснова К.А., Волкова М.А.* Исторический аспект развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за бандитизм // История государства и права. 2011. № 20. С. 7–11.

10. *Кубасов А.Л.* Термин «бандитизм» в советской политико-правовой лексике 1918–1924 гг. // История государства и права. 2012. № 14. С. 23–26.

11. *Наумов А.В.* Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция Кодекса? // Общество и право. 2010. № 5. С. 13–17.

12. *Немировский Э.Я.* Советское уголовное право. Части Общая и особенная.

Одесса: б.и., 1926. 292 с.

13. *Ошеров В.Н.* Преступная группа, шайка-банда и сообщество-организация по уголовному кодексу // Право и жизнь. 1924. № 7-8. С. 67–70.

14. *Паше-Озерский Н.Н.* К вопросу о соучастии в преступлении // Техника, экономика и право. 1923. № 1. С. 85–91.

15. *Пионтковский А.А.* Советское уголовное право. Т. 2. Особенная часть. М.–Л.: Гос. изд., 1928. 428 с.

16. *Познышев С.В.* К психологии современного бандитизма // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1923. Т. 3. С. 10–18.

17. *Познышев С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. М.: Изд. Народного комисс. юстиции, 1923. 296 с.

18. *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М.: Наука, 1990. 308 с.

19. *Таймасов Р.Н.* Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в советском государстве. 1917-1958 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2011. 201 с.

20. *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Общая часть. М.: МГУ, 1929. 511 с.

21. *Трайнин А.А.* Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка. М.: ГИЗ, 1925. 256 с.

22. *Турицын И.В., Упоров И.В.* Уголовное наказание в уголовных и теоретических конструкциях (историко-правовой аспект) // Право и практика. 2014. № 4. С. 11–19.